

Я вижу, что верхи и низы грабят друг друга, чтобы добиться славы. Где же здесь место для милосердия, верности или долга? Если уж заниматься просвещением, то, по-моему, нужно отпустить преступников, а когда они вернутся — казнить их. И лишь если после этого, при повторном освобождении, они снова вернутся, можно будет сказать, что они исправились под влиянием добродетели. Более того, если делать так лишь изредка — еще куда ни шло, но если превратить это в систему, то убийцы останутся безнаказанными. Разве может это стать законом для Поднебесной? То, что нельзя сделать постоянным правилом, разве может быть законом мудреца? Поэтому правление основателей династии Яньцин всегда опиралось на человеческие чувства: они не выставляли напоказ свою исключительность и не шли против естества ради пустой похвалы.

Глядя на то, как Хуа Юйтан рассуждает о государственных делах, Лэн Цзышу заметил, как робость полностью исчезла из его глаз, уступив место сиянию острого ума. Его лицо, по-прежнему несравненно прекрасное, в лунном свете казалось чистым и безмятежным, а сам он — воплощением гордого достоинства. Взгляд Лэн Цзышу невольно наполнился странным блеском.

Он поднялся на ноги и, хлопнув в ладоши, рассмеялся:

— Хорошо! Су вынужден признать: я уступаю! И подумать только, что у Хуа Цзинжана есть такой одаренный, такой блистательный младший брат!

Хуа Юйтан словно очнулся от глубокого сна. На его лице вспыхнул густой румянец, он поспешно затряс головой и, смущенно запинаясь, проговорил:

— Вы... вы слишком добры ко мне. Пожалуйста, не принимайте мои бредни всерьез. Талант моего старшего брата в тысячи, в десятки тысяч раз выше моего. Прошу вас, не говорите так.

Лэн Цзышу не ответил. Он поднял голову и посмотрел на небо: восток уже начинал светлеть, а полная луна клонилась к закату. Оказалось, что они проговорили всю ночь напролет.

Лэн Цзышу пристально посмотрел на съездившегося Хуа Юйтана и вдруг улыбнулся:

— Разговор с тобой принес мне огромную пользу. Впрочем, если говорить начистоту, главная цель моего сегодняшнего визита еще не достигнута.

— Какая? — растерянно спросил Хуа Юйтан.

— Украсть... аромат... похитить... нефрит! — Лэн Цзышу хитро улыбнулся, внезапно подался вперед и накрыл губы Хуа Юйтана, нежные, как лепестки персика, своими. А затем, пока тот стоял, ошеломленный и не успевший среагировать, он изящным движением перемахнул через стену и исчез, словно птица.

Издали донесся его ясный, звонкий голос:

— Красавец, еще увидимся!

Сяо Бай, скрывавшийся неведомо где, наблюдал за этой сценой. Он молча парил рядом с Чжоу Баем, чувствуя, как внутри у него всё рушится. Ему страстно хотелось схватить Чжоу Бая за воротник и как следует потрясти: Скажи мне, что это неправда! Скажи, что ты на самом деле не заканчивал актерскую школу!

Чжоу Бай с энтузиазмом спросил Сяо Бая:

— Как тебе этот персонаж? Несравненный красавец, обладающий великим талантом, но притесняемый мачехой. В обычное время — мягкий и невинный, словно белый лотос, но при этом одержимый знаниями и глубоко сведущий в науках. Простой, но решительный, милый, но не лишенный гордости.

Выражение лица Чжоу Бая было мягким, улыбка — нежной, но в глазах плясали пугающие искры азарта.

— Сначала я думал, что это просто красивая ваза, а оказалось — великий талант. Думал, что это обычный камень, а оказался — жемчужина. Планировал использовать его как игрушку, а оказалось — это погребенный гений. Что скажешь, Лэн Цзышу, маркиз Сюэ-и?

— Что?! — Сяо Бай был поражен. Поскольку это был мир наказания, он не предупредил Чжоу Бая о личности Лэн Цзышу. — О черт, как ты узнал?

Чжоу Бай, лежа на резной кровати, зевнул и ответил:

— Разве это не очевидно? Лэн Цзышу хоть и старался казаться мягким, свободным и доступным, он не мог скрыть гордости и величия человека, долгое время занимающего высокий пост. К тому же, он оставался невозмутимым перед лицом такого нелогичного существа, как главный герой, от одного вида которого у любого мужчины просыпается похоть. Поразмыслив, я понял: это мог быть только Лэн Цзышу — единственный персонаж, который не испытывал к главному герою чувств, а лишь жестоко его использовал.

— ...Значит, ты наконец признаешь, что так обращался с Хуа Цзинжанем, чтобы проверить ауру главного героя? — Сяо Бай мысленно поставил свечку за упокой Хуа Цзинжана.

Чжоу Бай лишь загадочно улыбнулся.

Спустя некоторое время Чжоу Бай нахмурился:

— Впрочем, потом я засомневался. Разве у Лэн Цзышу нет брезгливости? Но что это был за поцелуй? Разве он не ненавидит прикасаться к кому-либо губами? Если бы проверка на тебе не удалась, мне, возможно, пришлось бы начинать всё сначала.

— Боже мой, каждое твое действие идеально попадало в самую точку, — Сяо Бай был просто в шоке. — Он же теперь влюбился, черт возьми!

Чжоу Бай растянул губы в злой, ослепительной улыбке:

— Разве влюбленности достаточно? Он — человек, который получил единственную искреннюю привязанность Хуа Юйтана, а потом жестоко ее растоптал. Если я не получу его искренность, как я перейду к следующему этапу плана? И как я смогу продолжить проверку Системы? — Чжоу Бай довольно прищурился.

За стеной Лэн Цзышу прислонился к каменной кладке, не веря самому себе, и коснулся своих губ. Он не понимал, что на него нашло — голова словно пошла кругом, и он поцеловал его. И самое невероятное — после поцелуя не возникло привычного отвращения.

Лэн Цзышу вспомнил алые губы Хуа Юйтана, его чистый, не соответствующий яркой внешности взгляд, его ясный ум в спорах о политике — и внизу живота стало горячо.

Он поспешно отогнал эти мысли.

Я испытываю к Хуа Юйтану исключительно уважение к его таланту. Я просто хочу, чтобы он перешел на мою сторону и служил мне. Лэн Цзышу убеждал себя. А поцеловал его лишь потому, что слишком долго воздерживался. Определенно, только поэтому!

Так думая, он наконец перестал колебаться и, применив технику легкости, помчался к своей резиденции. Но его фигура в лунном свете выглядела так, словно он бежал от самого себя.

Весенняя ночь была прекрасна, цветы груши слегка покачивались на ветру.

Лето в самом разгаре, ивы склонились к земле, шумные цикады неистово возвещают о приходе жарких дней.

Цветы груши давно опали, оставив лишь густую зеленую листву, которая тянулась к небу, полная жизненных сил. Золотые лучи солнца пробивались сквозь кроны, делая фигуру юноши, сидевшего под деревом, еще более хрупкой и прозрачной.

Юноша лежал на каменном столе, его черные, как смоль, волосы рассыпались по плечам. Тонкая спина и талия изгибались в соблазнительной, но такой уязвимой дуге. В белых одеждах, которые были ему чуть велики, он казался еще более беззащитным и вызывал острое желание оберегать его. Юноша слегка повернул лицо — идеальный овал челюсти переходил в тонкую, белую шею. Его прекрасное лицо было бледным, длинные брови плотно сдвинуты, а губы, прежде напоминавшие нежные лепестки, утратили всякий цвет.

Он лежал неподвижно, его хрупкая спина дрожала, а крупные слезы, катившиеся из закрытых

глаз, оставляли дорожки на щеках. Его крошечное лицо было мокрым и казалось таким хрупким, что могло разбиться от одного прикосновения.

Высокий мужчина в синих одеждах стоял вдалеке под деревом. Его волосы, черные, как тушь, разметались по спине, а взгляд был полон глубокой, невыразимой тоски.

Лэн Цзышу стоял всего в нескольких шагах. Его глаза были прикованы к Хуа Юйтану, а рука, белая, как нефрит, с такой силой вцепилась в дерево, что на коре остались глубокие следы от пальцев. Он едва сдерживал себя, чтобы не броситься вперед и не заключить этого хрупкого юношу в объятия.

С той памятной ночи Лэн Цзышу не мог удержаться от частых визитов в этот маленький дворик, чтобы обсуждать с Хуа Юйтаном великие дела и перемены в мире.

Со временем Лэн Цзышу всё больше поражался его таланту, широте кругозора и остроте ума. И всё больше жалел, что такая драгоценность тонет в грязи, а талант остается невостребованным. Они вели жаркие споры, делились мыслями или просто наслаждались тишиной, попивая вино под сенью грушевых деревьев, глядя на плывущие облака.

Лэн Цзышу чувствовал, что никогда еще не был так спокоен. Ни в кишасщем интригами императорском дворце, ни в политических играх, где каждый улыбается, скрывая нож за пазухой, он не находил покоя. Он привык носить маску, вооружившись амбициями и холодностью, но здесь, в захолустном дворике человека, которого все считали никчемным трусом, он обрел то, чего никогда раньше не знал.

Он видел, как другие восхищаются красотой Хуа Юйтана, но с презрением отворачиваются от его робости. Внешне Лэн Цзышу оставался невозмутимым, но внутри ликовал: лишь он один видел ослепительное сияние, скрытое за маской слабости. Это чистое, невинное сердце, эти полные доверия влажные глаза — всё это было сокровищем, которое нашел лишь он один.

Пока однажды он не получил донесение от тайного стража:

— Правый канцлер при смерти.

Получив это известие, Лэн Цзышу пришел в смятение. В его сердце не было ни капли радости от того, что влияние императора ослабеет. Напротив, он был охвачен тревогой — Хуа Юйтан так предан отцу, как он перенесет эту весть? Опомнился он уже в резиденции Правого канцлера, куда примчался на пределе своих сил.

Лэн Цзышу не знал, откуда в его холодном, как лед, сердце возникла эта боль. И не хотел знать.

Он медленно подошел и осторожно положил руку на дрожащую спину Хуа Юйтана. Он открыл рот, чтобы утешить его, но слова застряли в горле, и вырвался лишь тяжелый вздох.

— ...Не плачь, — сухо проговорил Лэн Цзышу, совсем не так красноречиво, как в зале суда.

Хуа Юйтан резко открыл глаза. Его взгляд, промытый слезами, был ясным и чистым, и в нем отражалась вся скорбь мира. Сердце Лэн Цзышу дрогнуло, и он невольно обнял юношу.

Хуа Юйтан уткнулся в его грудь, обхватив тонкими руками его крепкую талию, и зарыдал в голос.

Лэн Цзышу не видел, сколько нежности и волнения было в его собственном взгляде, не осознавал, какие сильные чувства отражаются в его глазах. Он знал лишь одно: он хочет, чтобы этот человек всегда улыбался, чтобы он был далек от боли и печали.

— Юйтан, мое настоящее имя — Лэн Чэнь, имя в быту — Цзышу. Пойдем со мной в резиденцию маркиза, служи мне. Пока я рядом, никто больше не посмеет смотреть на тебя свысока или обижать.

— Идем со мной.

Хуа Юйтан поднял голову, в его расширенных глазах застыли слезы. В них читались неприкрытое изумление и испуг. Он попытался отстраниться, съежившись, и хотел было поклониться.

— Мар... Маркиз, я...

— Тебе не нужно этого делать. — Лэн Цзышу почувствовал странную сухость в горле и острую боль в груди. Она обвила его сердце, словно терновый куст.

Он знал, что его положение создаст между ними непреодолимую пропасть, и был готов к этому, но не ожидал, что этот день настанет так скоро, и что ему будет... так больно.

— Я вырос в глубине дворца, среди тьмы и расчетов. Благодаря своему титулу я обладаю богатством и властью, я стою выше всех, кроме императора. Но... ты — единственный настоящий друг, которого я обрел. И теперь даже ты хочешь... уйти от меня из-за моего происхождения? — На лице Лэн Цзышу отразилась неприкрытая мука. Его обычное беззаботное и насмешливое лицо сейчас казалось таким уязвимым.

— Нет... это не так! — Хуа Юйтан, не успев вытереть слезы, поспешно затряс головой. — Я искренне считаю вас своим другом!

— Тогда зови меня Цзышу.

— Э! — Хуа Юйтан жалобно икнул от слез. — Но...

— Ах, я так и знал, — Лэн Цзышу выглядел опечаленным и разочарованным. — Говоришь, что считаешь меня другом, а даже по имени звать не хочешь...

— Э! — Хуа Юйтан поспешно закивал. — Я, я хочу! Э!

Лэн Цзышу внимательно смотрел на его нежные розовые губы, которые открывались и закрывались.

— Цзы... Цзышу.

Лэн Цзышу не выдержал и прижал к себе юношу, который с покрасневшими глазами, икая, старательно произносил его имя. В этот миг он чувствовал, что обнимает весь мир.

Юноша, уткнувшись в грудь Лэн Цзышу, не видел на его лице довольной, хитрой улыбки.

Вечность пронеслась в одно мгновение, и этот миг стал бесконечным.

Девятый год правления Юнцзи, восьмая луна. Ночь.

В кабинете резиденции маркиза фитиль лампы тихо потрескивал, что казалось особенно громким в ночной тишине. Мерцающий желтый свет отбрасывал длинную тень мужчины на оконную бумагу, отделяя его от густой тьмы снаружи.

Лэн Цзышу подпирал голову рукой, облокотившись на стол. Его волосы, черные, как тушь, ниспадали на плечи. На столе лежала пожелтевшая книга, и Лэн Цзышу нежно касался ее страниц тонкими пальцами. Он выглядел таким серьезным и сосредоточенным, словно весь мир суеты и времени перестал для него существовать.

Тайный страж, чья фигура идеально сливалась с темнотой, едва заметно дернул уголком рта: хозяин замер в этой позе уже целый час, не перевернул ни одной страницы, а на лице у него то и дело проскальзывала глуповатая улыбка.

А Лэн Цзышу, сидевший за столом, пребывал в отличном настроении.

Три дня назад Правый канцлер скончался. Один из важнейших столпов императорской партии пал, и фракция императора понесла тяжелый урон. Хотя вид Хуа Юйтана, рыдающего у гроба отца, заставлял сердце Лэн Цзышу сжиматься от боли, внутри него росло тайное удовлетворение: Хуа Юйтан будет служить ему, и скоро он станет принадлежать только ему.

В тени тайный страж снова дернул глазом — хозяин опять глупо улыбается...

Внезапно в комнату бесшумно скользнула тень, в тусклом свете лампы выглядевшая как призрак.

— Говори, — раздался ленивый голос Лэн Цзышу.

— Господин, император издал указ... приказать Хуа Юйтану войти во дворец и прислуживать государю.

Воздух словно застыл.

Лицо Лэн Цзышу стало страшным. В его черных зрачках пылал глубокий гнев. Вся мягкость и насмешливость, которые он проявлял перед Хуа Юйтаном, исчезли. Мощное давление заставило тайного стража, стоявшего на коленях, покрыться холодным потом.

— Он думает, я не знаю о его грязных помыслах!

— Посмел посягнуть на моего человека...

Стоп, когда он успел сам, не заметив того, включить этого юношу в круг своих людей? Лэн Цзышу замолчал, молча спрашивая себя: почему, как только кто-то другой начинает смотреть на этого юношу с вожделением, он не может сдержать гнев? Для такого холодного человека, как он, простого восхищения талантом было уже недостаточно, чтобы объяснить это.

Лэн Цзышу закрыл лицо руками и тихо рассмеялся. Вот оно что, вот оно что!

Только вот, едва он осознал свои чувства, как у него хотят отнять этого юношу?

Он не позволит. Ни за что не позволит!

В глазах Лэн Цзышу сверкнула пугающая ярость.

Раз так, я больше не буду вспоминать о былом, Ваше Величество.

Из его горла вырвался низкий голос:

— Ань Семь, собери Теневой отдел.

В Северном саду резиденции Правого канцлера в ушах Чжоу Бая раздался металлический звук.

— Дзынь! Месть Правому канцлеру (отравление) завершена, награда 200 очков.

— Дзынь! Захват Лэн Цзышу завершен, награда 1000 очков.

— Дзынь! Прохождение локации резиденции Правого канцлера завершено, открыта локация Императорского дворца. Прошу носителя подготовиться.

Чжоу Бай полулежал в кресле, на его красивом лице играла невинная улыбка, а в глазах была скрыта глубокая тьма. Он растянул губы в яркой, зловещей усмешке — порочной и соблазнительной, подобно цветку хиганбаны, наполненной жадой крови.

<http://bllate.org/book/19863/1955351>